

В.Н. Рябцев, П. Хаджаянди

Битва за Африку: Под прицелом Дарфур

***Аннотация.** Статья охватывает широкий круг вопросов, связанных с борьбой США, европейских стран и Китая за энергетические ресурсы Африки. Авторы уделяют главное внимание анализу конфликта в Дарфуре, имеющему значительные международные последствия. В исследовании сделана попытка ответа на вопрос, почему американо-китайское соперничество парализует миротворческий процесс в Судане. Также дан прогноз деятельности НАТО в этом регионе.*

***Abstract.** The article ranges over a wide array of issues, related to the struggle among the USA, European countries and China for energy resources in Africa. The authors give the primary place to the conflict in Darfur, that has obtained wide international repercussions. The paper provides clues as to why the rivalry between China and the USA paralyzes the peace process in Sudan. The authors forecast the activity of NATO in the region.*

***Ключевые слова:** энергетические ресурсы, Дарфур, вооруженный конфликт в Судане, США, Китай.*

***Keywords:** energy resources; Darfur; armed conflict in Sudan, USA, China.*

В последние годы, особенно с началом глобального финансово-экономического кризиса в сознание многих ученых и экспертов стала входить хорошо знакомая, испытанная на полях «холодной войны» модель биполярного мира. Более того,

внимательно присматриваясь к тому, что и как происходит в глобальной системе международных отношений, можно заметить, как контуры этой самой биполярности медленно, но рельефно выплывают из глубины, сбрасывая с себя «превращенные формы» неистинных геополитических моделей, навязанных этой системе нашим познающим Разумом.

При этом заметим, что споры интеллектуалов и политиков о вариантах трансформации мировой системы в нечто более определенное, нежели то ее состояние, которое обозначается термином «постбиполярность», полностью на нет не сошли. Учеными и экспертами в избытке приводятся аргументы в пользу того или иного варианта трансформации системы международных отношений, не важно, касается ли это «униполярности» или (как вариант) модели «полутораполярного мира», «многополярности» международных отношений (системы нескольких региональных центров силы) или даже «аполярности» (отсутствия каких-либо центров силы вообще). Но многие специалисты уже склонны делать однозначный вывод: *в мире начала складываться новая биполярная система.*

Мы также полагаем, что сегодня в мире формируется новая конфигурация сил. И завязана она на жесткое соперничество двух геополитических гигантов – Китая (как нового претендента на мировое лидерство) и США (как ядра, «сердцевины» западного мира). Подчеркнем: мы говорим не о Западе в целом, прекрасно понимая, что помимо США есть еще и Европа, а об одних только США. Ибо приходится учитывать их огромную мощь, беспрецедентный отрыв от остальных стран в экономической, технологической, военной и информационной области, а также желание (и возможности) в одиночку решать самые серьезные дела в мире. Нельзя не учитывать и инерцию несколько пренебрежительного отношения к Европе, которая все годы «холодной войны» была де-факто американским протекторатом [см.: Бжезинский, 2005, с. 123].

В ближайшей перспективе у США хватит сил и воли, чтобы игнорировать мнение европейцев по каким-то важным вопросам мировой повестки дня, даже если оно будет весомо заявлено. Это вообще «слабое место» США. Как верно замечает Е. Кузнецова, «американцы с неохотой идут на уступки международному общественному мнению, игнорируют мнение своих союзников и отстаивают право действовать исключительно в соответствии со

своими представлениями об опасностях и угрозах. Так, например, Соединенные Штаты косвенно препятствуют реализации общей внешней политики и политики безопасности ЕС, усматривая в этом вызов доминированию НАТО» [Кузнецова, с. 11]. Но со стороны самой Европы (точнее, объединенной Европы, т.е. ЕС) конфронтация с США едва ли возможна. Уж слишком тесно переплетены интересы этих акторов во многих вопросах мировой политики и экономики, весьма велики их обязательства друг перед другом, чтобы Брюссель мог делать резкие шаги, оппонируя Вашингтону и тем более серьезно дистанцируясь от него. К тому же не будем забывать тот факт, что подавляющее большинство членов ЕС и НАТО имеют двойную «прописку». Так что о какой-либо серьезной «фронде» европейцев по отношению к США говорить не приходится.

Конечно, у Вашингтона есть *свои* озабоченности. И понять их можно. Ведь США переживают далеко не лучшие времена в своей истории. Разразившийся мировой финансово-экономический кризис сделал свое дело, породил соответствующие фобии и напомнил американцам ту тяжелую ситуацию, которая сложилась в их стране на рубеже 1920–30-х годов (Великая депрессия). Сегодня США как воздух нужна Европа со своими ресурсами, технологиями и огромным рынком. Ведь не секрет, что Европа, точнее говоря ЕС, живет во многом за счет экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью в США. И живет, надо сказать, неплохо, поскольку структура европейской экономики по сравнению с американской выглядит существенно лучше, а евро на фоне доллара до недавнего времени смотрелся просто блестяще. Вот где настоящая причина треволений США, их нежелания, чтобы ЕС смотрел на Восток, на Юг или куда-то еще. По мнению нынешних стратегов США, Брюссель должен заниматься совсем другим делом – крепить «атлантическое единство», формировать единое экономическое пространство по обе стороны Атлантики. Хотя, по сути, получается так, что объединенная Европа должна это делать в ущерб своим интересам, спасая американский «колосс», впавший в глубокий и затяжной кризис¹. Спрашивается: нужно ли это самой Европе?

---

¹ Как становится ясным из той скудной информации, которая иногда просачивается в печать, в США уже давно вынашивается (условно говоря) «Но-

Особенно в той ситуации, которая сегодня складывается и в самом ЕС, и вокруг него. Ведь по сути дела речь идет о том, что ЕС, так и не набрав обороты, должен раствориться в некоем «новом (едином) Западе» и перестать существовать как самостоятельный глобальный центр силы. И это притом, что на фоне возможностей, которыми обладают сегодня Россия, Китай и особенно США, Евросоюз вообще пока слабый игрок. Об игроках (в собственном смысле слова) следует говорить скорее применительно к отдельным «грандам» европейской политики – Великобритании, Германии и Франции, могущим позволить себе сыграть небольшие сольные партии. (И об одной из этих стран – Франции – еще пойдет речь в данной статье.)

В свете вышесказанного мы говорим о начинающемся соперничестве в глобальном масштабе именно *Китая и США*, а не Китая и некоего «совокупного Запада»; о соперничестве, которое набирает обороты, поскольку их жесткая борьба за мировое лидерство разгорается и идет сегодня практически по всему миру: в Юго-Восточной и Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке. Причем Китай, который по совокупным валютным резервам сегодня уже опережает Европу и США (в абсолютных цифрах это уже более 2 трлн долл.), держит последние в

вый западный проект». Его суть состоит в следующем: восстановить единое «атлантическое» пространство в сфере экономики; за счет использования протекционистских барьеров существенно оздоровить структуру экономики и финансов и, как следствие, ослабить остальные страны, т.е. всех реальных и потенциальных конкурентов, за счет сокращения их рынков сбыта; получить монопольный доступ к важнейшим энергетическим ресурсам мира; наращивая гонку вооружений и проводя там, где необходимо, боевые и небоевые операции, добиться решающего прорыва в сфере высоких технологий; на этой основе уйти в резкий отрыв от остальных стран. Иначе говоря, США поставили перед собой задачу, накопив ресурсы, совершить новую экспансию и вернуть себе контроль над всем миром. Этот план неоднократно мелькал в выступлениях западных лидеров (в первую очередь, канцлера Германии А. Меркель), хотя, конечно, всех его деталей они не раскрывали. И выглядит этот план, в общем-то, вполне реалистично, хотя на пути его воплощения в жизнь придется решить ряд весьма непростых проблем [см.: Хазин М].

«крепких руках»¹ и, как говорится, «не церемонится» с США. Одним словом, Китай пошел ва-банк. Может ли это нравиться американцам? Риторический вопрос. И нет ничего удивительного в том, что в отношении Китая у США нарастает «дух враждебности» и открытой конфликтности. Как результат происходит усиление их соперничества в мировых делах. При этом в нынешних условиях Китай четко позиционирует себя в качестве *альтернативного* США и непременно *глобального* центра силы, вокруг которого должны собраться все недовольные диктатом Вашингтона в мировых делах, т.е. все те страны и народы, которые не принимают больше модель «однополярного» мира.

Здесь уместно вспомнить одно место из книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Ее автор писал: «Запад есть и еще долгие годы будет оставаться самой могущественной цивилизацией. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, незападные общества стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие – конфуцианские и исламские общества – стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес. Центральной осью политики мира после «холодной войны» является, таким образом, взаимоотношение западной мощи и политики с мощью и политикой незападных цивилизаций» [Хантингтон, с. 26].

Очень интересная мысль. Заметим лишь, что в середине 1990-х годов, когда С. Хантингтон писал эту книгу, данные слова американского автора воспринимались достаточно абстрактно. Сегодня они звучат совершенно по-другому: с нашей точки зрения, они стали просто пророческими. Ведь и незападный мир за эти годы достаточно окреп, обретя зримые пространственные очертания, и

---

¹ Об этом могут свидетельствовать хотя бы такие факты: Китай владеет облигациями США на сумму в 653 млрд. долл. и на сегодняшний день является крупным кредитором правительства США [см.: Пономарева]. Китай душил США в «братских объятиях» еще и по той причине, что продукция его гигантской «фабрики ширпотреба» на американском рынке составляет до 85% [см.: Девятов]!

новый кандидат на роль его «организатора» наконец-таки появился. Это Китай. Более того, этот «организатор» *устойчиво навязывает* другой – альтернативный западному – путь развития весьма значительной части современного мира.

При этом надо отдать должное руководству Поднебесной. Оно пользуется любой возможностью, чтобы подтвердить свое лидерство в неконтролируемых (или плохо контролируемых) США зонах мира. При этом не важно, чего это конкретно касается: придания китайской валюте юаню статуса третьей резервной мировой валюты; вывода на новый уровень взаимоотношений с членами «бוליварианской шестерки» (Венесуэла, Куба, Боливии, Никарагуа, Гондурас и Доминиканская Республика), всерьез обсуждающих вопрос о введении с 1 января 2010 г. во взаиморасчетах условной валюты «сукре»¹; беспрецедентного демарша в рамках Всемирного климатологического форума (Копенгаген, декабрь 2009 г.), когда Пекин, возглавив «группу 133», фактически сорвал переговорный процесс, и т.д. Что интересно при этом: подобную практику Пекин начал уже давно. На саммитах G 8 (по крайней мере тогда, когда эта структура еще была более весомой, чем нынешняя «двадцатка») не без участия Пекина сложилась скрытая альтернатива «законодателям мировой политической моды» в лице восьми мировых держав, а именно «группа пяти» в составе Китая, Индии, ЮАР, Бразилии и Мексики.

Проблема, однако, в том, что жизненно важные, стратегические ресурсы для развития участников нового «глобального соперничества» находятся вне их территории. Их надо брать извне, причем брать во все больших и больших количествах... Однако помимо Северной Евразии, пока еще контролируемой Россией, они в основном сосредоточены на мировой периферии. Поэтому нынешнее противостояние Китая и США имеет чрезвычайно важную *энергетическую* составляющую [см.: Коллон, с. 365–401]. И преимущество здесь пока на стороне США. Как очень точно фиксирует суть дела российский эксперт по вопросам энергобезопасности

---

¹ В свою очередь, это может стать подготовительным этапом к переходу в масштабе всей Латинской Америки к устойчивой континентальной финансовой системе, хотя для этого, естественно, необходимо участие такого «гиганта», как Бразилия.

К.В. Симонов, «не секрет, что все прогнозы относительно будущего развития мира в США строятся на основании одного сценария – конкуренции с Китаем. **Китай рассматривается как главный противник США в среднесрочной перспективе.** Как же дядя Сэм сможет победить дракона? Очень просто – надо лишить его топлива. Китай на сегодня – это весьма энергозависимая экономика. Быстрые темпы экономического роста делают обеспечение энергоресурсами проблемой номер один для Китая. По прогнозам западных экспертов, в 2020 г. потребности Китая в импорте нефти могут составить 450 млн. тонн, а газа – 80 млрд. кубометров» [Симонов, с. 133–134]. Надо ли в этой связи удивляться тому, что США пытаются блокировать любые попытки Китая получить доступ к энергоресурсам и соответствующим активам за пределами Поднебесной, причем в ход идут любые приемы, используются любые средства. Другое дело: получается ли это у США?

Но мировая периферия, на которую с таким вожделием смотрят из Пекина и Вашингтона, – это та зона современного мира, которая отличается чрезвычайной нестабильностью, латентной и открытой конфликтностью. Последняя, будучи до начала 1990-х годов сдавленной прессом противостояния СССР и США, но никуда при этом не девшаяся, в последующие годы буквально вырвалась наружу, словно известный «джин из бутылки». Более того, в условиях постбиполярного мира внутренняя конфликтность значительного числа стран только усугубилась. Фактом является то обстоятельство, что именно в странах мировой периферии отмечаются наиболее острые формы противоборства на этнонациональной и конфессиональной почве, межобщинные конфликты и конфликты по оси «центр–периферия». Ряд из них своими корнями уходит в глубь истории, обусловлен глубокими культурными различиями, упирается в вопросы идентичности. На мировой периферии во всей «неприглядности» проявил себя и феномен несостоявшихся государств (*failed states*). К этой же зоне мира восходит печальная статистика все увеличивающегося числа гуманитарных катастроф [см.: Хубель, с. 4].

Сказанное напрямую относится к «Черному континенту». Нигде амбиции Китая и, соответственно, градус напряжения в его отношениях с США не проявились так открыто (порой даже показным образом), как в Африке – кладовой мировых ресурсов, но

одновременно с этим печально знаменитом «континенте конфликтов». В этом смысле в качестве *модельной* может рассматриваться ситуация в Судане – самом крупном по территории (2,5 млн. кв. км), богатом нефтью (по оценке 2006 г., доказанные запасы «черного золота» составляют 6,4 млрд. баррелей), густонаселенном (более 40 млн. человек) и чрезвычайно гетерогенном по составу населения (настоящей «мозаике» рас, этносов и конфессий) государстве Восточной Африки [см.: Все страны и территории мира, с. 567–568; Кильюнен, с. 399–402; Модестов, с. 67–68]. Особенностью этой страны является то обстоятельство, что практически все годы независимости ее раздирали и раздирают до сих пор острейшие внутренние противоречия и конфликты.

Это касается не только правительственных кризисов или непростых ситуаций, связанных с трансформацией существующего здесь политического режима и изменением формы государственного устройства (например, Судан – это единственная страна в мире, которая, начав в 1998 г. федерализацию, прервала этот процесс и до сих пор находится в «подвешенном» состоянии, живя по временной Конституции 2005 г.). Есть «вещи» и посложнее. Так, фактом является то обстоятельство, что именно в Судане имела место едва ли не самая длительная в новейшей истории гражданская война между центральным правительством и южными провинциями (с перерывом в 11 лет она шла почти полвека: с 1956 по 1972 и с 1983 по 2005 г.). Но самое главное, что на этот, так до конца еще и не урегулированный конфликт по оси «Север–Юг», сегодня накладывается новый – не менее сложный и не менее кровавый – конфликт на западе Судана, в Дарфуре. Имеющий глубокие внутренние причины, в ходе своей быстрой эскалации он стал конфликтом с широким международным участием и затянулся в тугой «узел противоречий» с тенденцией превращения в острый региональный кризис. По этой причине его так и называют: «дарфурский кризис».

В данной статье мы хотели бы проанализировать, как обстоят сегодня дела в Дарфуре, где миротворцы прилагают значительные усилия с целью сдержать масштабное насилие. При этом мы будем учитывать, что на динамику дарфурского конфликта и процесс его урегулирования непосредственное влияние оказывает борьба за суданскую нефть со стороны Китая и США, их острейшее сопер-

ничество в этой части Африки вообще. Поскольку Пекин и Вашингтон поддерживают противоположные стороны в этом и других суданских конфликтах, их противостояние самым прямым образом проецируется на дарфурский кризис. В орбите нашего исследовательского интереса «особая роль» Франции, которая, будучи заинтересованным «лицом» в суданских делах (хотя по рангу она, безусловно, и менее значимый игрок, чем США и Китай), одновременно с тем пытается играть роль посредника в дарфурском процессе, а также в налаживании чадско-суданских отношений. При этом в своем анализе мы удерживаем более широкий план анализа – ту сложную, отличающуюся многофакторной комбинаторикой ситуацию, которая складывается сегодня в Центральной и Восточной Африке (ЦВА).

Поскольку в одной статье невозможно охватить столь сложную и объемную тему, ограничимся рассмотрением лишь нескольких, с нашей точки зрения, ключевых вопросов.

Нельзя утверждать, что о соперничестве Китая и США в Африке не было слышно раньше. В той или иной форме оно имело место и в условиях биполярного мира. Просто его масштабы и степень остроты были другими. В настоящих же условиях борьба двух геополитических гигантов за доступ к стратегически важным ресурсам африканского сегмента мировой периферии развернулась во всей своей полноте и определенности. Китай буквально наступает американцам на пятки, теснит их с насиженных «площадок», начинает действовать даже на одних и тех же «площадках». Так, он уже активно работает в таких африканских странах, как Конго и Экваториальная Гвинея, Зимбабве и Ангола, Руанда и Сьерра-Леоне, Эфиопия и Кения, Замбия, Лесото и даже ЮАР. Так что очень скоро постколониальная Африка может оказаться перед реальностью пришествия на континент нового «империалиста» [см.: Наварро, с. 118–120]. Почему? Да потому что «Черный континент» слишком важен для амбициозных планов Пекина по превращению Поднебесной в ведущую державу мира¹, и он не собирается усту-

---

¹ *Небезынтересно, какая именно задача в этом плане стоит перед нынешним поколением китайских лидеров. Если отбросить некоторые нюансы, то она формулируется очень просто: восстановить историческую справедливость и возродить величие Китая. При этом окончательный триумф своего геополити-*

пать его Западу. Учитывая «суровый нрав» Китая и жесткость, с которой он обычно ведет мировые дела, не говоря уже об изощренной, просчитываемой на десятки ходов вперед политике, можно предположить, какие драматические черты борьба за эту зону мира может приобрести в ближайшем будущем.

Почему именно здесь – в этой части мировой периферии – начинаются такие серьезные бои? Ответ мы находим в одной интересной работе, автор которой пишет: «В последние годы высокие, хотя и нестабильные цены на углеводородное сырье и сложная военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке стимулируют поиск нефти и газа в Африке. Благодаря развитию современных технологий освоения морских месторождений буквально на глазах разворачивается гонка за раздел Африки, только уже не самого материка, а перспективных блоков на шельфе и даже глубоководных месторождений. У западноафриканского побережья полоса активного раздела будущих месторождений стремительно продвинулась от западной границы Нигерии до Мавритании. У побережья Восточной Африки обнаружены значительные запасы углеводородного сырья в экономической зоне Танзании. В случае успешного освоения восточноафриканских месторождений энергетическая карта Африки может значительно измениться. Однако сегодня основные зоны разведки и добычи нефти и газа сосредоточены в акватории Гвинейского залива и в прилегающей к нему прибрежной зоне от Анголы до Нигерии. За пределами этого региона нефтедобыча всерьез развивается только в Чаде и Судане...» [Барыгин, с. 360]. Это обстоятельство не могут не учитывать Китай и США.

Что касается первого, то он появился в Африке достаточно давно. Еще в 1960-е годы началось его тесное сотрудничество с рядом африканских государств. Но в те годы Пекин стоял несколько в тени, занимая лишь те ниши, которые не занимали обаянные глобальным соперничеством СССР и США, которые, в частности, вели бескомпромиссную борьбу за тот или иной – капиталистический или социалистический – путь развития африканских государств. И занимался Китай тогда в основном политико-идеологическими

ческого проекта властями Побнебесной официально назначен на 2020 г. Именно к этому времени их страна по своей совокупной мощи должна стать главным центром силы в мировых делах [см.: Китайский проект без легенд и прикрытия, с. 2].

вопросами, революционной борьбой с империализмом (но не по советским лекалам!). В 1980-е годы в условиях значительного ослабления СССР состоялось его «новое пришествие» в Африку. Постепенно он стал закрепляться здесь, тем более что Вашингтон к этому времени в известной мере потерял интерес к африканским делам. Но теперь Китай пришел в Африку уже как «бизнесмен».

Конечная цель этого пришествия тогда еще не была до конца ясна (да и сам Китай тогда еще не определился окончательно со своей геостратегией). Позднее, однако, стало очевидным: он всерьез собирался «прибрать Африку к рукам», точнее говоря, богатейшие ресурсы этого континента. Итог этого внимания на сегодняшний день таков: практически ни одна страна Африки не обойдена вниманием Пекина. Стоит ли удивляться, что проникновение Китая на «Черный континент» и, что самое главное, прочное закрепление на нем стало для США настоящей «головной болью».

Что касается Китая, то его можно понять. Руководство этой страны прекрасно понимает, что в начавшемся геополитическом соперничестве с США самым слабым местом Китая является именно дефицит энергоресурсов. По тщательно выверенным расчетам китайских экспертов, к 2010 г. в их стране из 45 видов минеральных ресурсов из собственных запасов полезных ископаемых достаточные резервы останутся только по 24 видам, а к 2020 г. – только по 6! К 2020 г. Китай как главная мировая держава – «фабрика по производству товаров», опередив США, вообще выйдет на первое место по энергопотреблению [см.: Рябцев, с. 247]. Уже сегодня его экономический потенциал растет буквально как грибы после дождя (за последние годы его вклад в рост мировой экономики составил 25%), с беспрецедентным промышленным экспортом, который только за последнее десятилетие вырос в 7,5 раз [см.: Делягин; Девятов]. Понятно, что он нуждается во все новых и новых ресурсах [см.: Smil]. Так, скажем, только потребление нефти в Китае с 4,2 млн. баррелей в день в 1999 г. выросло до 7,8 млн. баррелей в 2007 г., т.е. увеличилось на 86% [см.: Пономарева]. Бурный экономический рост Китая требует все больше и больше энергоресурсов, обуславливает поиск таковых где угодно и стремление обеспечить максимально широкий доступ к ним, что, естественно, не может не усиливать сопротивление Запада. Решая проблемы своей энергетической безопасности, Китай, естественно, первым делом смотрит

на Ближний и Средний Восток. Не случайно из стран Персидского залива в Китай поступает 2/3 импортируемого им «черного золота», причем поставки только из одного Ирана покрывают до 46–47% его потребностей в «черном золоте» [см.: Рябцев, с. 248].

Однако сегодня интерес Китая с его быстро растущей экономикой не ограничивается только «Великим Пятиморьем». Он ищет нефтяные ресурсы и в других регионах мира и, что самое интересное, находит их... Вот почему он так цепко ухватился за Африку, буквально заваливая дешевыми кредитами особо нуждающихся в этом стран. Ведь сегодня из Африки в Китай поступает уже до трети импортируемого им «черного золота», а такая страна, как Ангола¹, уже опередила Саудовскую Аравию в качестве поставщика нефти на китайский рынок. По данным Международного энергетического агентства за ноябрь 2006 г., экспорт ангольской нефти в Китай составлял 477 тыс. баррелей в день. Кстати сказать, это примерно столько же, сколько она экспортировала в США – 473 тыс. баррелей [см.: Барыгин, с. 362], занимая тем самым седьмое место среди поставщиков «черного золота» на американский рынок. В последнее время свой повышенный интерес Пекин проявляет к такой стране, как Чад, где в 2003 г. началась промышленная нефтедобыча (но пока это не китайская сфера влияния, а зона контроля США и Франции), а также к Габону.

В этом плане вполне понятен интерес Китая к Судану, который начал экспорт своей нефти в товарных количествах в 1999 г. Конечно, Судан – не Ангола. И тем более это не Иран, являющийся вообще одним из важнейших экономических партнеров Китая. Тем не менее примерно 7–10% необходимой ему нефти Китай получает именно отсюда.

Еще в 1999 г. состоялась сделка Хартума и Пекина, по которой Китай получил активы, которыми некогда владел такой нефтяной гигант, как «Chevron» (тот из-за гражданской войны в Судане в середине 80-х годов свернул свои работы в Судане, а в 1989 г. вообще продал свои активы Хартуму). В декабре 1996 г. 75% своих

---

¹ Эта страна известна тем, что занимает четвертое место в мире по производству кофе. Но она является безусловным лидером в Африке по запасам «черного золота». Не случайно нефть занимает первое место в ее государственных доходах. В декабре 2006 г. Ангола официально присоединилась к ОПЕК.

активов продала и канадская компания *ARAKIS*. Тогда же была создана компания *GNPOC* («Great Nile Petroleum Operating Company»), которая управляет двумя самыми большими месторождениями нефти в стране. Доли в ней распределяются следующим образом: 40% – у китайской *CNPC*, 30 – у малайзийской компании «*Petronas*» и 5% – у суданской «*Sudapet*». Остальные 25% принадлежат другой канадской компании «*Talisman Energy*» [см.: Patey]. В 1999 г. началась масштабная работа по развитию нефтяной промышленности Судана. И на сегодняшний день Китай – крупнейший партнер Хартума. Объем сделок Китая с Суданом впечатляет: на сегодняшний день это от 70 до 80% всего суданского нефтяного экспорта.

По некоторым экспертным оценкам, за последние десять лет Пекин уже вложил в Судан от 10 млрд. до 15 млрд. долл. и уже давно проявляет интерес к такому проблемному, но в то же время богатому нефтью региону, как Южный Дарфур¹. Что также интересно: крупнейшая китайская компания *CNPC* стала крупнейшим иностранным инвестором Судана. 50% акций одного из крупнейших предприятий этой страны – Хартумского нефтеперерабатывающего завода – принадлежит китайцам (другая половина – суданскому правительству). Но Китай активен не только на уровне нефтяного бизнеса. Он занимается инвестированием в энергосети, строительство, активно развивает торговлю. Китайские компании были вовлечены в строительство 1400-километрового нефтепровода от месторождения Мелут до Порт-Судана, где Китай также строил порт с нефтяным терминалом [см.: Оксли, аль-Курайчи].

На Китай ориентирован примерно 31% всего суданского экспорта (впереди только Япония с 48%), а то время как импорт из Поднебесной в Судан составляет почти 18%, и это первое место среди суданских импортеров [см.: Все страны и территории мира, с. 569]. Кроме того, Китай предоставляет Судану помощь и креди-

---

¹ Как отмечает в этой связи политолог-африканист С. Кармаев, еще в 2005 г. правительство Судана объявило, что в Южном Дарфуре обнаружено нефтяное месторождение, которое, по некоторым оценкам, может обеспечить до 200 тыс. баррелей в день, т.е. столько же, сколько Судан отгружает всем своим экспортерам. Причем, что интересно, более половины этой нефти уходит в Китай, что, естественно, очень не нравится Белому дому» [см.: Кармаев, с. 106–107].

ты, в том числе и беспроцентные, списывает ему долги (так, только в 2007 г. Пекин списал Хартуму долг в 80 млн. долл.). В Судан идут масштабные поставки китайского оружия [см.: China, Sudan and the Darfur conflict], хотя они, естественно, идут не только из Поднебесной [см.: Асадова]. Живым воплощением четкого курса Пекина на поддержку Хартума и на плотное взаимодействие с Суданом в политической и экономической областях является построенный китайцами в столице этой страны, причем по последнему слову техники, *Friendship-Hall* – прекрасный конгресс-отель на берегу Нила.

В этой связи нельзя не сказать об устремлениях еще одной страны, делающей ставку на плотное взаимодействие с суданскими властями и, что самое интересное, на фоне неудачной игры других стран Запада на суданской «площадке» получающей от них известные преференции. Это Франция. У нее давние и достаточно своеобразные отношения с Суданом. Она пользуется известными преференциями, работая на нефтяном рынке этой страны, и вовсе не заинтересована покинуть этот рынок¹. При этом французским компаниям (например, «Total-Fina-Elf») порой приходится испытывать жесткое давление американской стороны, весьма болезненно реагирующей на успехи европейских нефтяников.

Есть, однако, и более общий план той заинтересованности в суданских делах, которую проявляет Франция. Она никак не заинтересована в дестабилизации огромной африканской страны, потому что это напрямую отразится на (пусть и относительной, но) стабильности сопредельных с Суданом государств, многие из которых в качестве колоний некогда входили во Французскую Экваториальную Африку (1910–1958). Ведь сегодня на территориях этих стран Франция спокойно занимается своими делами: добывает нефть (Габон и Чад), ведет урановые разработки и занимается ле-

---

¹ Первое пришествие французских компаний в Судан состоялось еще в 1980 г. Франция приобрела права на разведку и добычу нефти в огромном по площади (120 тыс. кв. км) секторе «Block B» (теперь это «Block 5»), который простирается с севера на юг между Малакалом и Бором и на восток в направлении эфиопской границы. По данным французских геологов, здесь сосредоточены очень большие запасы нефти. Но едва начав работы, в 1985 г. французы были вынуждены их свернуть – сказалась гражданская война между Хартумом и южанами [см.: Оксли, аль-Курайчи].

созаготовками (Центральноафриканская Республика), пользуется «благами» от нефтепровода, идущего из Чада к терминалу Криби на атлантическом побережье Камеруна [см.: Arshad and Dupont, 2009]¹. Она активно субсидирует некоторые из этих стран (ЦАР), имеет заметное военное присутствие в них (Чад, ЦАР и особенно Габон). Так что постимперская забота Франции о своих бывших колониях налицо. Причем она везде поддерживает именно центральную власть.

А что же главный конкурент Китая на суданской «площадке» – США? Хотя и запоздалый, но ответ со стороны Вашингтона на «вызов» из Поднебесной поступил. Будучи активно вовлеченным в дела Ближнего Востока после событий 11 сентября 2001 г., но видя, что он может попросту «потерять Африку», Вашингтон спешно ввел ее в сферу своих жизненно важных интересов². Объект главного интереса США тогда определился сразу – им стала Западная Африка, доказанные запасы нефти в которой (по данным «British Petroleum», BP) за последние 20 лет выросли примерно в 3 раза – до 7,5 млрд. тонн. Это около половины всех запасов «Черного континента» (примерно столько же, сколько приходится на месторождения Северной Африки, главным образом в Ливии). Для сравнения: общемировые доказанные запасы за тот же период выросли только в 1,6 раза. Соответственно, доля Западной Африки, точнее говоря, общей акватории Гвинейского залива (в широком смысле от Анголы до Мавритании) в мировых запасах нефти увеличилась с 2,4 до 5% [см.: Барыгин, с. 360]. Самой важной для США в стратегическом отношении была и остается Нигерия, экспортирующая за океан до 40% своего «черного золота», хотя к ней присматривается и Китай.

---

¹ Работы по строительству этого стратегически важного объекта в основном были закончены в 2003 г. Проект финансировался Всемирным банком и поддержан администрацией США. Главным акционером оказалась компания «Exxon Mobil».

² По мнению некоторых экспертов, рубежом здесь стал 2003 г., ознаменовавшийся резким изменением поведения Ливии. До этого времени она была одной из «стран-изгоев», но в одночасье прекратила производство ядерного и химического оружия (правда, подоплека этого «разворота» Триполи так доподлинно и неизвестна) и, что вообще уму непостижимо, пошла на сотрудничество с ООН, даже допустив ее инспекторов на свою территорию [см.: Хаггер, с. 411, 412].

Вообще Вашингтон не прочь создать своеобразное «атлантическое кольцо» стран – производителей нефти из западноафриканских стран, лояльных США и не входящих в ОПЕК, но цельную картину портит Ангола, заигрывающая с Китаем и вошедшая недавно в ОПЕК [см.: Барыгин, с. 362].

Для создания «атлантического кольца» у США есть на что опереться в силовом отношении. Если спускаться с севера Африки на юг, идя по атлантической кромке континента, то можно обнаружить элементы американской военной инфраструктуры: два форпоста в Алжире и Мавритании, а также базу в Сенегале. На худой конец можно опереться и на войска партнера по НАТО – Франции, которые находятся в Западной и Центральной Африке (скажем, в Центральноафриканской Республике, но наибольший контингент располагается в Чаде, где есть база французских ВВС; здесь же, вдоль чадско-суданской границы, дислоцированы французские и канадские войска) [см.: Кильюнен, с. 418]. Во всю идет и операция *Pansahel* с бюджетом в 6,5 млрд. долл., в которой задействованы Чад, Мали, Нигер и Мавритания. Основная цель операции, которая преподносится как вклад в борьбу с международным терроризмом, подготовка элитных военных подразделений этих стран. Нельзя забывать также то обстоятельство, что в рамках специальной программы Пентагона по обучению (International Military Education and Training – IMET) было подготовлено много офицеров из тех стран, что окружают главного врага США в регионе, – Судан: Чада, Эфиопии, Эритреи, Камеруна, Центральноафриканской Республики и Уганды. И еще один любопытный факт: в феврале 2006 г. нижняя палата Конгресса США приняла резолюцию, которая, по сути, потребовала от Белого дома развернуть военные силы НАТО в Дарфуре. *По мнению ряда экспертов, все эти действия и ряд сопутствующих им акций входят в масштабный американский план, который нацелен на обеспечение доступа к месторождениям нефти не только в Судане, но и на всем Африканском континенте, особенно в Гвинейском заливе, поскольку нефть, поступающая отсюда на американский рынок, по некоторым данным, уже обеспечивает не менее 15% нужд США* [Crawley; см. также: Хаггер, с. 424].

Но самым важным шагом американской администрации стало создание нового военного командования для Африки (AFRICOM) со штаб-квартирой в Штутгарте (ФРГ). При его офици-

альном открытии в феврале 2007 г. было заявлено, что командование создается для повышения эффективности работы по укреплению мира и обеспечению безопасности в Африке, но в реальности эта структура (понятно, как и все, что делают США в нефтеносных регионах) нацелена на обеспечение безопасности собственных компаний, которые решили более основательно работать на Африканском континенте, закрепиться на нем в пику Китаю. По мнению некоторых аналитиков, AFRICOM вообще является плодом лоббирования рядом нефтяных гигантов своих интересов на «Черном континенте» [см.: Caviop].

Теперь о Судане. Говоря об интересах США непосредственно в этой стране, заметим, что о наличии здесь нефти американским компаниям было известно еще в 1970-е годы. В 1979 г. тогдашний лидер Судана Дж. Нимейри пригласил «Chevron», для развития нефтяной промышленности страны. И компания отчасти вложилась в этот сектор (ее затраты составили тогда 1,2 млрд. долл. США). Но из-за возобновления гражданской войны между Севером и Югом в 1983 г. она была вынуждена приостановить работы и заняться продажей своих активов. Когда позднее были определены истинные запасы «черного золота» в Судане, американцы уже ушли из этой страны. Введенные же США в 1997 г. санкции против Хартума сделали их инвестиции в нефтяной сектор этой страны практически невозможными. Но при этом американцы очень болезненно реагировали на успехи неамериканских компаний и оказывали на них всяческое давление.

Таким образом, США уже достаточно давно не присутствуют в Судане (правда, это не касается южной части страны, где, пользуясь ее полунезависимым состоянием, они уже косвенно присутствуют), хотя очень хотели бы контролировать добычу нефти в этой стране и с вожделием смотрят на богатые «черным золотом» провинции на юге, особенно на Дарфур. Не случайно поэтому устами президента Дж. Буша в 2004 г. США объявили этот регион зоной своих интересов.

В 1984 г. на юге Судана «Chevron» начал было вести разведочные работы, но это ничем не закончилось. Что же касается региона, который сегодня у всех на слуху, – Дарфура, к которому устремлены сегодня взоры многих нефтяных игроков, то в 2003 г. одной компании (компания была швейцарская, но с американским

собственником) удалось-таки заключить контракт на проведение разведочных работ в Дарфуре, но дальше этого дело не пошло. В основном пока американцы (прежде всего это «Exxon Mobil» и «Chevron») проявляют активность в соседнем Чаде, где всюю идет добыча нефти.

И все же, как нам представляется, борьба за нефтяные и иные энергоресурсы африканских стран для Вашингтона сегодня – не самое главное в его политике на африканском направлении. Главное – геополитический и даже геостратегический моменты, связанные с недопущением на эту «площадку» конкурента из Поднебесной или по крайней мере существенное ограничение его присутствия в этой зоне мира. Ведь речь идет о таком регионе, который непосредственно примыкает к столь *важному для США макрорегиону* – Ближнему и Среднему Востоку (к «Великому Пятиморью»). Иначе говоря, если для Пекина сегодня на первом плане пока стоят *геоэкономические* вопросы, то для США – *геополитические и даже геостратегические*. Их, конечно, тоже интересует нефть и иные энергоресурсы, но пока не столько в Африке, сколько рядом с ней. И интересуется США не просто нефть, а «большая нефть», и не просто в каких-то локальных очагах «Черного континента», а в гигантской нефтяной провинции, каковой является «Великое Пятиморье».

Вот почему еще до того как США всерьез занялись реализацией своего амбициозного проекта «Большой Ближний Восток», они предварительно создали необходимые условия для его «перекрытия». Это выразилось в том, что они фактически произвели *геостратегическое окружение* данного региона. И немалую роль в этом деле сыграла непосредственно примыкающая к нему часть Африки.

Обратимся к географии американского военного присутствия. Она впечатляет: США с незапамятных времен имеют военную базу в Турции (Инджирлик); с начала 1990-х годов они получили возможность развернуть свое военное присутствие в Катаре, Кувейте, ОАЭ, Омане и Саудовской Аравии (здесь, например, находится база «Принц Султан», где размещен Центр управления аэрокосмическими операциями США на Ближнем Востоке), а также на о-ве Бахрейн (здесь главная стоянка 5-го ВМФ США), прочно закрепившись в конце 1990-х годов на Балканах. В те же годы США совершили беспрецедентный бросок в Центральную Азию и назло Москве стали заигрывать с некоторыми постсоветскими режимами

(например, с Узбекистаном); в октябре 2001 г. они вошли в Афганистан, являющийся стратегически важной зоной мира – стыком Центральной Азии с Южной Азией и Средним Востоком. Американцы с давних времен присутствуют в Средиземном и Аравийском морях (США держат здесь свои мощные эскадры и даже флоты); они арендуют у британцев базу на о. Диего-Гарсия и тем самым контролируют «сердце» Индийского океана; с недавнего времени они имеют военную базу в Джибути, что позволяет им контролировать выход из Красного моря в Индийский океан (держат Баб-эль-Мандебский пролив) и т.д. и т.п. [см.: Война в Ираке]. Тем самым США показывают всем, что означает «государство с потенциалом глобальной проекции мощи», и дали понять, что любая попытка соперничества с ними безнадежна.

В этом смысле им никак не нужны конкуренты на сопредельных (с Ближним и Средним Востоком) пространствах, тем более если они хотят здесь закрепиться надолго и основательно. Вот почему в последнее время США очень «озаботились» Китаем, а «озаботившись», кое-что ему продемонстрировали. Китаю дали понять, что его резкие действия на востоке Африки, в частности в том же Судане, явно нежелательны¹. И в случае чего поставки «черного золота» в Поднебесную из Порт-Судана могут быть просто перекрыты. Учитывая факт уязвимости китайского транзита углеводородов в АТР, для этого потребуется немного, а именно: полностью, т.е. физически, закрыть Баб-эль-Мандебский пролив. Геостратегически тот и сейчас уже фактически «запечатан» американцами. Ведь США имеют военно-морское присутствие не только в Персидском заливе и Аравийском море, но и непосредственно в Красном море, опираясь при этом на такой мощный тыл, как база на о-ве Диего-Гарсия. Кроме того, имея базу в бывшем французском Сомали, они теперь создают «площадку» для так называемой антитеррористической операции в Йемене, всячески стремятся закрепить и в этой стране. Понятно, что США очень заинтересова-

---

¹ Это не означает, что США беспокоит активность только одного Китая. Вовсе нет. Вашингтон уже давно высказывает резко негативное отношение к той активности, которую на суданском направлении проявляет Париж, и он явно завидует тем преференциям, которые имеют французские нефтяные компании, работающие в Судане [см.: Оксли, аль-Курайчи].

ны в том, чтобы вернуть свою базу на противоположном берегу – в Бербере (на территории непризнанного Сомалиленда). Наконец, приложив в свое время немало сил для того, что дестабилизировать Сомали, в котором они неплохо себя чувствовали до начала гражданской войны 1988 г.¹, США позднее вольно или невольно способствовали фрагментации этой страны и теперь собираются бороться с новоявленным мировым злом – морским пиратством. Одним словом, Вашингтоном сделан безупречный геостратегический ход в отношении Пекина.

На сегодняшний день бескомпромиссная «битва за Африку» между Китаем и США идет вовсю. Хотя, в принципе, это не чисто африканская, а *общемировая* ситуация. Как говорится в одном любопытном документе, «беспрецедентный рост экономики в мировых масштабах – положительный во многих других аспектах – продолжит оказывать давление на ряд крайне важных стратегических ресурсов, включая энергетику, пищу и воду, и, по прогнозам, в грядущие десять лет или чуть более спрос превысит предложение из легкодоступных источников... Количество стран, способных значительно расширить производство, сократится; производство нефти и газа сосредоточится в нестабильных регионах». И далее: «Почувствовав недостаток энергоресурсов, некоторые страны будут вынуждены предпринять меры, чтобы в будущем обеспечить себя ими. В худшем случае это может привести к межгосударственным конфликтам, если лидеры правительств сочтут гарантированный доступ к энергоресурсам... необходимым для поддержания внутренней стабильности и сохранения режимов. Тем не менее даже действия на грани войны будут иметь важные геополитические последствия» [Мир после кризиса, с. 15–16; 19].

---

¹ По свидетельству некоторых экспертов, американский интерес к Сомали зародился в середине 1980-х годов, когда геологи обнаружили, что йеменские нефтяные месторождения простираются и на территорию Северного Сомали. Результат этого «интереса» не замедлил сказаться: до начала гражданской войны в этой стране в 1988 г. примерно две трети территории Сомали контролировались американскими нефтяными гигантами – «Сопосо», «Атосо», «Chevron» и «Philips». Американцев (как, впрочем, французов и англичан) не испугал даже сомалийский «хаос» 1991–1993 гг. На территории этой многострадальной страны продолжил свои работы, например, «Chevron» [см.: Хаггер, с. 424].

Логика этих рассуждений понятна. Но важен и подтекст. А он означает, что лидеры развитых стран (как Запада, так и Востока) готовы обеспечить свою внутреннюю стабильность и сохранение режимов в своих странах..., но *за счет других* стран. Проблема, однако, в том, что в подавляющем большинстве страны – поставщики энергоресурсов очень нестабильны, безмерно отягощены экономическими, политическими, этнорасовыми и иными проблемами. И африканские страны, увы, не исключение.

На сегодняшний день практически весь «Черный континент» – это как бы одна огромная зона конфликтности. Здесь «представлены» практически все типы конфликтов (экономические, политические и конфессиональные), все основные их виды (внутренние конфликты, внутренние конфликты с международным участием и собственно межгосударственные конфликты), все разновидности внутренних конфликтов (конфликты «гегемонистского» типа и сецессионистские конфликты), все их стадийное разнообразие (от латентных до открытых и вооруженных конфликтов, от «малых» до полномасштабных войн), все возможные исходы такого рода конфликтов (наличие стран, ослабленных или вообще парализованных последствиями гражданских войн; стран, находящихся в процессе полураспада и уже распавшихся государств).

Что касается главного предмета нашего анализа – Судана, то это государство не является полноценной (сформировавшейся) нацией, а представляет собой пестрый конгломерат этносов и племен с ярко выраженным *арабо-мусульманским ядром*, которое в качестве политического Центра проводит в отношении своих окраин политику этнорасового доминирования. Современный Судан буквально испещрен линиям этнотерриториальных расколов. Главные из них складываются по осям: Центр – Юг (негроидные племена христиан и анимистов), Центр – Восток (проблема беджа) и Центр – Запад (проблема Дарфура). Есть у Центра проблемы и на севере страны, где у Хартума до сих пор непростые отношения с такими народами, как нубийцы, нуба и др. [см.: Кудров, с. 14–17]. Наконец, нельзя не упомянуть и о повстанческой группировке «Армия сопротивления Господа», бывшей до недавнего времени «головной болью» Хартума. Эта свободно перемещающаяся по территории Уганды, где она, собственно, и возникла, Южного Судана и ДРК миниар-

мия «отметилась» грабежами мирного населения, массовыми убийствами и похищениями людей, использованием детей в целях сексуальной и трудовой эксплуатации¹.

Но наиболее острой является ситуация в семимиллионном Дарфуре (буквально: «земля народа фур»). Учитывая то обстоятельство² и был насильственно включен в англо-египетский Судан, Дарфур был и остается для Хартума перманентным «регионом риска». Факты говорят о том, что первые повстанческие группировки сепаратистской ориентации, начавшие бороться против «арабского ига», возникли здесь еще в конце 1950-х годов. В 60-е годы сюда хлынуло оружие из соседнего Чада, охваченного гражданской войной, плюс «позаботились» и некоторые христианские миссии. Позднее свой «вклад» в дестабилизацию Дарфура внесла Ливия, имевшая свои обиды на Хартум. Последний как мог купировал «проблемность» Дарфура. Например, в 1994 г. власти Судана произвели новое районирование региона, разделив его на три провинции, чем попытались разрезать главный этнорасовый сегмент местного населения – фур. Частично это им удалось, но сама «проблемность» от этого никуда не делась.

Так что «горючего материала» здесь хватало, и достаточно было какого-нибудь повода, чтобы произошло «возгорание». Таковой нашелся. Им стал договор Хартума с «южанами» о разделе доходов от нефтедобычи на Юге и в прилегающих к нему районах (Мачакосский протокол 2002 г. и др.), который фур и солидарные с ним народы (массалейт, загава и др.) сочли для себя невыгодным, ущемляющим их интересы. Сам же конфликт, в котором противо-

---

¹ Возникнув в 1987 г., состоящая из представителей народа ачолы АСГ прослыла тем, что едва ли не первой на Африканском континенте стала использовать «бойцов-малолеток». Из-за военных действий между АСГ и правительственными войсками Уганды в положении переселенцев на территории этой страны оказалось от 1,2 млн. до 1,7 млн. человек, вынужденных жить в ужасных условиях [см.: Africa's most wanted, p. 64; A rumble in the Jungle, p. 59–60].

² В XVI в. чернокожие фур (или, как их еще называют этнографы, фор) захватили большую часть Судана и основали королевство Сеннар. При этом они усвоили арабский язык и приняли ислам. На плодородных склонах гор Марра в Западном Судане в XVII в. был основан независимый от Сеннара Дарфурский султанат, который просуществовал до 1916 г. [см.: Кильюнен, с. 399–400].

стояли две повстанческие группировки – Суданское освободительное движение (СОД) и Движение за справедливость и равенство (ДСР), с одной стороны¹, и состоящее в основном из представителей арабских племен аббала и багара военизированное ополчение «Джанджавид»² и стоящий за ним Хартум – с другой, начался в феврале 2003 г. И едва начавшись, он сразу же приобрел острую форму.

Причин дарфурского конфликта несколько, а именно: 1) исторические, о чем уже было сказано выше; 2) экономические (потенциально богатый регион абсолютно не развивается, находится в состоянии стагнации, более того, в его отношении проводится политика «внутреннего колониализма»); 3) этнические (хотя проживающие здесь племена в подавляющем большинстве мусульмане, но они принадлежат к различным этногруппам, отличающимся по образу жизни и специфике хозяйственной деятельности, менталитету, культуре и т.д.); 4) расовые (по Дарфуру проходит линия раскола арабского мира и Тропической Африки, но со значительным надвигом на нее именно арабской «плиты»); 5) политические (мало того, что многие годы в силу отсутствия должного объема власти, т.е. реальной автономии, местная элита не могла решать накопившиеся проблемы, в 2005 г. была еще и приостановлена начавшаяся в 1998 г. федерализация Судана). Одним словом, конфликт носит комплексный характер.

И все же главное в том, что в ситуации с Дарфуром налицо неурегулированные отношения по оси «Центр – периферия». Поэтому, с нашей точки зрения, дарфурский прецедент – это прежде всего *внутригосударственный политический конфликт по оси «Центр – периферия»* с элементами «гегемонистского» конфликта на собст-

---

¹ Обе выступали под «зонтиком» альянса «Фронт национального возрождения». Плюс к этому до 2005 г. их активно поддерживал главный оппозиционер Хартума на юге – Суданское народно-освободительное движение /Армия (СНОД/А) во главе с небезызвестным Д. Гарангом.

² «Джанджавид» (букв. «дьяволы на конях») представляют собой мобильные, по преимуществу конные, отряды. По сути, это конгломерат племенных ополчений, а иногда и самых обычных банд. За все годы существования конфликта в Дарфуре из него так и не выросло единого, цельного политического движения. Но при этом «Джанджавид» умело регулируется официальным Хартумом и является однозначно проправительственной силой [см.: Сценарии дальнейших вторжений США, с. 78].

венно дарфурской «площадке». Последнее выражается в жестком противостоянии арабов и африканских народов, связанном с их доступом к ресурсам жизнеобеспечения (земле, пастбищам, воде и т.д.) в условиях наступления аридной зоны. Если же характеризовать конфликт по тем средствам, которые используются противостоящими сторонами, то можно сказать, что это *вооруженный конфликт «низкой» интенсивности* [см.: Кревельд, с. 46-47], в период эскалации имевший характер конфликта средней интенсивности. (Последнее в основном зависело от действий Хартума, прибегавшего к таким «радикальным» мерам в отношении сепаратистов, как использование танков, тяжелой артиллерии и авиации.)

На сегодняшний день в Дарфуре пока не просматривается перспектива снятия напряженности, поскольку дестабилизирующий обстановку конфликтный потенциал далеко не исчерпан. Специалисты оценивают сложившуюся здесь ситуацию не иначе, как «комплексную чрезвычайную гуманитарную катастрофу» [Е. Степанова, с. 91]. По сравнению с *обычной* чрезвычайной ситуацией (или гуманитарным кризисом) ее отличает именно *комплексный* характер, т.е. сочетание аритмичных (но перманентных) военных действий, голода, массовых перемещений людей (и не только по территории данного государства, но и с «выплеском» за его пределы), резкого ухудшения эпидемиологической обстановки в зоне конфликта. Одним словом, тем, кто занят вопросами урегулирования дарфурского кризиса в данном «горячем» регионе, работы еще хоть отбавляй. Мало того, что надо заниматься совершенствованием работы по управлению самой миротворческой операцией (здесь есть вопросы, связанные с улучшением координации действий вовлеченных в процесс игроков, противостоянием постоянному давлению Хартума, «сдержанностью» доноров, нерешенными проблемами логистики и т.д.), надо еще учитывать возможные «форс-мажорные» обстоятельства.

В данном случае мы имеем в виду прежде всего «фактор Абъея» – нефтеносного района в провинции Южный Кордофан, являющегося «яблоком раздора» между Хартумом и Джубой. Хотя вопрос о том, кому после 2011 г. он будет принадлежать – Северу или Югу, – вроде бы и не должен был волновать ни Хартум, ни Джубу, но он уже сегодня стоит достаточно остро. В случае, если Юг захочет отделиться от Судана, Абъей скорее всего окажется на

его территории. Тем самым Хартум потеряет источник колоссальных доходов от продажи нефти, а ведь в Абъее, по некоторым данным, сосредоточено до 2/3 всей суданской нефти [см.: Серегичев; Юрченко; Qazi; Sudan's Southern Kordofan problem]. Так что не случайно этот район называют потенциальным Дарфуром.

Но даже это – не главное. Главное в том, чтобы дать новые *политические импульсы* переговорному процессу, а не ограничиваться присутствием в регионе миротворцев только в качестве *сил сдерживания*. В этом смысле посредники, призванные придать «новое дыхание» буксующему переговорному процессу и обеспечить его выход на уровень оптимальных решений, явно опаздывают, отстают от миротворцев. Претензии, конечно, есть и к ним, но уж больно ограничены их ресурсы и слишком специфичны (нестандартны) условия их работы в Дарфуре.

Если не подменять миротворчество и посредничество тем, что называется банальным вмешательством заинтересованных сторон, которое в известной мере носит характер манипулирования конфликтующими сторонами; если всерьез говорить о том, как сделать работу третьей стороны в конфликтах, подобных дарфурскому, «равноудаленной» по отношению к конфликтантам, а значит, по-настоящему стабилизирующей ситуацию, то надо признать одну важную вещь – помимо *желания помочь* сторонам найти общее решение (для чего необходимо отказаться от столь привлекательной для многих косовской схемы или боснийского варианта урегулирования) нужно еще наличие *ориентации* на общее решение. Иными словами, важно предложить конфликтующим сторонам нечто такое, что не содержится в их исходных позициях, и одновременно с этим надо блокировать или по крайней мере нейтрализовать чрезмерную активность внерегиональных акторов. Понятно, насколько это трудно сделать, как, скажем, в нашем случае. Ведь надо нейтрализовать (легко сказать!) активность таких сильных игроков, как Китай, США, другие страны Запада (например, ту же Францию). Но без выполнения этих условий посредничество в урегулировании столь сложных конфликтов, как дарфурский, кто бы его ни осуществлял – АС, ООН или «тандем» в лице АС–ООН, – останется малоэффективным, если не сказать больше – ничтожным.

И здесь нельзя не учитывать то важное обстоятельство, что за долгие годы существования конфликта в Дарфуре вокруг этого

региона сформировался своеобразный «комплекс» политических отношений: частично внутригосударственных, частично международных. Причем, учитывая тот факт, как за годы противостояния Хартума и ДСР/СОД складывались эти отношения, надо понимать, что к сегодняшнему дню они приобрели характер тугого *узла противоречий*. Иначе говоря, здесь сформировалась *специфическая политическая среда со значительным международным компонентом*, в которую вписан этот конфликт. Весь этот сложный «комплекс» и создает широкий фон для данного конфликта, общие рамки возможного урегулирования и заметно влияет на ход переговорного процесса. Конкретный вариант разблокирования этой тупиковой ситуации будет определять *баланс сил всех вовлеченных в процесс акторов*, их соответствующие возможности и ресурсы. Поэтому среди тех вариантов, которые в итоге будут предложены к реализации, могут оказаться вовсе не те, что формулировались посредниками. Решающим фактором может оказаться втянутость в процесс прежде всего заинтересованных сторон. Об этом убедительно свидетельствует опыт урегулирования сецессионистских конфликтов на Балканах, но дарфурская ситуация, по сути, ничем не отличается от той, что была на Балканах.

Сошлемся в этой связи на мнение авторитетного специалиста – Д. Хоровица. Вот его ключевой тезис: «Появятся ли и когда появятся сецессионистские движения, определяется в основном внутренней политикой, отношениями регионов и групп с государством. А вот *достигнет ли сецессионистское движение своей цели, во многом определяется международной политикой, балансом интересов и сил, находящихся за пределами государства*» [Horowitz, p. 230]. Но мысль Д. Хоровица мы можем и продолжить. Если сецессионистские движения не достигают своих целей или иницилируемые ими в государстве конфликты «замораживаются», то это во многом обусловлено теми же факторами. Иначе говоря, все будет зависеть от того, как сложатся отношения в данный момент времени между всеми вовлеченными в конфликт сторонами и какими будут эти отношения (баланс или дисбаланс сил между ними, а если дисбаланс – то в чью именно пользу). Поэтому из самых разных вариантов урегулирования конфликта в итоге может реализоваться самый «невероятный». Но «невероятным» – только на первый взгляд, поскольку при более внимательном рассмотрении он как раз может оказаться *наи-*

более вероятным вариантом дальнейшего развития событий, поскольку именно он может устроить заинтересованные стороны.

О ком же из заинтересованных сторон речь идет в нашем случае? В принципе, их достаточно много – это и соседние с Суданом государства (их, как мы знаем, девять!), это и Европа (как в целом ЕС, так и отдельные европейские державы). Но основных все же два: это Китай и США. Поэтому именно от их них многое зависит. Посмотрим на то, как же эти главные заинтересованные «лица» непосредственно работают на поле суданских конфликтов. Реконструируя их (условно говоря) модели поведения в отношении Судана, изберем такую схему анализа: квалификация исходного «материала» → установка на работу с ним → базовый принцип работы → практические шаги. Начнем с китайской модели.

1. Квалификация исходного «материала»: Судан де-факто – богатая природными ресурсами, неплохо развивающаяся экономически, о чем говорят количество и объем зарубежных инвестиций [An island unto itself, p. 47], но отягощенная массой внутренних проблем и потому весьма уязвимая в территориальном отношении страна. С этим, однако, можно и нужно работать. При этом Судан – вполне состоявшееся, суверенное государство, сделавшее ставку на экономическое самообеспечение.

2. Установка на работу: это страна – «друг» (в классическом понимании этой роли, данной в свое время К. Шмитом), с которой надо развивать всестороннее экономическое и военное сотрудничество и, более того, вовлекать ее в широкую антиамериканскую коалицию.

3. Базовый принцип работы: *нациецентризм*, т.е. политика, направленная на всемерное укрепление того или иного государства, на создание в нем институтов сильной центральной власти, что, в свою очередь, предполагает помощь Центру в его бескомпромиссной борьбе с сепаратизмом «окраин» (дают, и достаточно сильно, факторы собственных «окраин» – Тибета и Синьцзяна).

4. Практические шаги: широкий спектр мер с использованием по преимуществу «мягкой силы», т.е. проведение торговой, финансовой и технологической экспансии, обеспечиваемой соответствующей технической помощью (в том числе своими кадрами). Поскольку Китай не имеет столь разветвленной военной инфраструктуры за пределами своих границ, как США, и у него нет (пока еще

нет) такой обширной коммуникационной сети для работы со своей «клиентелой» и «вассалами», как у Вашингтона, на суданском направлении он занимается в основном мягким (геоэкономическим) проникновением.

Реконструируем теперь американскую модель поведения в отношении Судана (в ней есть интересные нюансы).

1. Квалификация исходного «материала»: признается, что Судан де-факто – богатая природными ресурсами, вроде бы неплохо развивающаяся экономически, но отягощенная массой внутренних проблем и потому весьма уязвимая в территориальном отношении страна. Однако в отличие от китайского подхода обосновывается тезис, согласно которому Судан – не полноценное, состоявшееся государство. Как раз наоборот, это страна, которая движется к своему «банкротству», т.е. превращается в очередное «псевдогосударство» [Cooper, p. 17], или *failed state*, что на самом деле (для США) хорошо.

2. Установка: это «страна-изгой», в которой власть узурпировал «исламо-фашистский» режим, помогающий всякого рода террористическим группировкам и угнетающий стремящиеся к свободе народы, не принадлежащие к арабо-мусульманскому миру, а значит, этот режим надо непременно заменить «демократическим»¹. Как можно относиться к такой стране? Понятно: только как

---

¹ Заметим: американцам не откажешь в последовательности их действий и жесткости их позиции при ведении дел с «проблемными» (как они говорят) государствами и режимами. Здесь нельзя не упомянуть «Стратегию национальной безопасности», опубликованную в марте 2006 г. [см.: *The National Security Strategy of the USA*], где точка зрения США по этому вопросу, по сути, оформилась окончательно. Назвав в качестве главных критериев своего отношения к другим государствам такие факторы, как а) соответствие / несоответствие их внешнеполитической линии поведения американскому пониманию демократии и б) участие / неучастие этих государств в борьбе с неудобными США режимами, официальными врагами США. В числе этих стран оказались КНДР, Куба, Беларусь, Мьянма / Бирма, Зимбабве, Сирия и Иран. В другом любопытном американском документе [см.: *Сценарии дальнейших вторжений США*, с. 5], причем в порядке строго определенной субординации, названы такие «страны-изгои»: Иран, Пакистан, Узбекистан, Венесуэла, Сирия, Судан и КНДР. Напомним также, что в списках Пентагона в качестве «изгой» мирового общества Судан фигурирует еще с 1997 г.

к «врагу» (опять-таки в классическом понимании этой роли, предложенном К. Шмиттом).

3. Базовый принцип работы: в принципе тот, который реализуется Вашингтоном в отношении любых неугодных ему стран и народов, а именно *нациедифференцирующий*, или точнее, даже *нациедробящий* (в смысле: дробящий государство как целостность). Речь идет о политике, направленной на всемерное ослабление структур центральной власти и соответственно на усиление институтов региональной власти (как, например, на Юге Судана в преддверии его самоопределения в 2010 г.) и/или поддержку устремлений сепаратистов в Дарфуре с конечной целью вывода этого региона из под юрисдикции Хартума.

4. Практические шаги: это и диффамация суданских властей в глазах мирового общественного мнения (бесконечные «указания» Хартуму на то, что тот предоставляет убежище для боевиков-исламистов и не препятствует их боевой подготовке на своей территории; являет собой «страну-сейф», где талибы и «Аль-Каида» вроде бы хранят свои деньги; проводит в Дарфуре самый настоящий геноцид, что, правда, расходится с официальным мнением ООН, и т.д.), это и политико-дипломатическое наступление на Хартум (стремление любой ценой изолировать его на мировой арене; попытки ввода более жестких экономических и иных санкций в отношении этой страны; инициирование судебного преследования суданских лидеров, обвиняемых во всех «смертных грехах» и т.д.), это и силовое воздействие в виде увеличения военного присутствия вблизи границ Судана и (тайком) на его территории¹, обоснование своего права на проведение полномасштабной «гуманитарной интервенции», возможности нанесения точечных ударов по его военной инфраструктуре, что однажды (в 1998 г.) уже имело место, и т.д. и т.п.

---

¹ По неофициальным данным, в Чаде и собственно в Судане находятся американские военнослужащие из частей зеленых беретов, отряда «Дельта» и спецназа ВМС США. Кроме неофициального военного присутствия США вокруг Дарфура есть еще и полуофициальное – помимо действующих спецназовцев кадры для повстанцев готовят сотрудники небезызвестной частной военной компании «Black Water», руководство которой, как известно, внимательно прислушивается к советам из Белого дома [см.: Караматов, с. 107].

Попутно заметим, что *так* США ведут себя не только в отношении Судана. Это, так сказать, *общемировая* практика Вашингтона. И единственное, что здесь изменилось с приходом в Белый дом демократов по главе с Б. Обамой¹, так это то, что США теперь это собираются делать с опорой на «мягкую силу» (естественно, там, где по-другому уже просто нельзя) и путем формирования вынужденных коалиций, что в принципе свидетельствует о слабеющей мощи Вашингтона. Но суть действий США в проблемных регионах от этого не меняется – это уничтожение очагов «цветущей сложности»², желание любой ценой унифицировать проживающие здесь народы путем стирания их культурно-цивилизационной идентичности, стремление создать из сильных стран, архипелаги слабых сообществ, жестко (а если надо, то и жестоко) управляемых из единого «Центра», каковым, естественно, могут быть только США. Или, на худой конец, игроки, связанные с ними узами «трансатлантической солидарности». Вашингтон абсолютно не заинтересован в появлении в мире сильных региональных лидеров, могущих хотя бы частично оспорить американскую монополию. Единственное, в чем он по-настоящему заинтересован, так это во фрагментации региональных пространств и дроблении образующих их (в качестве ядер) крупных государств. Тем более если это самодостаточные государства (как, например, Иран или Венесуэла), стремящиеся проводить не зависимую от Вашингтона политику. А раз так, то надо поддерживать любые террористические, повстанческие или сепаратистские движения, которые опонируют центральной власти в этих государствах или ведут с ней открытую борьбу.

---

¹ В этом плане большой интерес представляет текст речи президента США Б. Обамы на заседании ГА ООН в сентябре 2009 г., в которой он, по сути, представил мировой общественности свою внешнеполитическую доктрину [см.: *Remarks by the President of the USA to the United Nations General Assembly*].

² Философ К. Леонтьев создал оригинальную теорию развития. И в природе, и в общественной жизни всякое развитие неизбежно проходит три последовательные стадии: первоначальной простоты, подобно зародышу, зерну или неразвитому организму; «цветущей сложности», когда раскрываются все потенции растения, животного, человека или народа; и, наконец, «смесительного упрощения», когда организм переходит в стадию стирания всех своих отличительных черт, разложения и гибели. – Прим. ред.

Сообразно этому Вашингтон использует особую технологию перестройки региональных и национальных пространств. Взяв на вооружение интеллектуальную находку лидера Сапатистской армии национального освобождения (сепаратистского движения индейцев в мексиканском штате Чиapas) и кумира антиглобалистов субкоманданте Маркоса, мы могли бы выразить ее суть следующим образом: «...разрушение и обезлюдение, с одной стороны, восстановление и реорганизация – с другой» [см.: Субкоманданте Маркос, с. 168].

В нашем случае это означает следующее:

а) разрушается сложившаяся политическая структура региона, ликвидируются неудобные режимы и страны, имеет место искусственная (инициируемая извне) фрагментация отдельных государств;

б) вычищается в прямом и переносном смысле слова площадка для работы, где пришедший в регион издалека архитектор с помощью нанятых для этого рабочих собирается возводить новую конструкцию (в данном случае, естественно, геополитическую), и ликвидируются все те индивиды, группы, общности и т.д., кто мешает или в принципе может помешать этому «строительству»;

в) учитывая свои интересы, этот архитектор производит некоторые восстановительные работы, реанимирует работу тех объектов разрушенной инфраструктуры и производственных систем, которые, с его точки зрения, могут и должны быть использованы в новых условиях, т.е. приносить реальный доход;

г) наконец, происходит окончательная реорганизация площадки, в результате чего она приобретает тот вид, который и планировался изначально архитектором. Это сопровождается эстетической отделкой конструкции и основных ее элементов, соответствующим дизайном, стыковкой переоборудованной площадки с другими такими же (уже подвергшимися переоборудованию) площадками и ее вписыванием в общий геополитический ландшафт мира.

Именно так совершается то, что называется перекрытием (overlay) мирового геополитического пространства или какого-либо его сегмента. Но именно это США намереваются сделать и уже делают в интересующем нас регионе – в ЦВА.

На этом фоне представляется очень интересной картина поведения Франции на суданской «площадке», в частности, в дар-

фурском конфликте [см.: Куделев]. С одной стороны, Париж выступает как обычная (причем, не самая главная) заинтересованная сторона. Франция стремится: 1) пользуясь «милостью» непредсказуемого режима О. аль-Башира, сохранить свои позиции на нефтяном рынке Судана и 2) обеспечить «пояс безопасности» в прилегающих к Дарфуру районах Чада и – шире – в тех странах, которые относятся к сфере французского влияния и в которых у Франции есть немалые экономические интересы¹. Но, с другой стороны, Франция – это единственная европейская держава, которая пытается что-то реально делать на ниве международного посредничества (где в одиночку, а где и координируя свои усилия с ЕС и ООН). Причем, что интересно, выступая на суданской «площадке» в качестве третьей стороны, Париж пытается посредничать, работая как бы в двух «режимах». Во-первых, он участвует в урегулировании конфликта Хартума с сепаратистами (рассмотрим, например, инициативу Франции по развертыванию военного контингента Евросоюза в начале 2008 г., а также присоединение в марте 2008 г. к «Группе друзей», призванной содействовать развертыванию Смешанных сил АС – ООН в Дарфуре). Во-вторых, Франция вносит большой вклад в нормализацию донельзя испорченных дарфурским кризисом отношений Чада и Судана – отношений, которые в иные годы доходили даже до прямого разрыва (вспомним о просьбе суданской стороны, высказанной в июне 2008 г., содействовать смягчению напряженности между Хартумом и Нджаменой, на что Париж ответил полной готовностью). При этом Париж умело работает с мировым общественным мнением, о чем свидетельствует факт проведения в июне 2007 г. по инициативе Франции и на ее территории Международной конференции по Дарфуру (впрочем, не очень продуктивной).

Однако как бы ни пытался сегодня Париж играть серьезную роль в суданских делах и в урегулировании дарфурского конфликта, его возможности все же ограничены. Но главное даже не

---

¹ В этом плане у Франции, конечно, на первом месте Чад, с которым у Парижа подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве. В соответствии с ним с 1986 г. на территории этой страны находится французский военный контингент и проводится операция «Ястреб» в поддержку правящего в Нджамене режима.

это. Нельзя отделаться от впечатления, что Франция *больше играет в посредничество, чем занимается* действительной медиацией, что все ее усилия на суданской «площадке» – это в большей мере инструмент усиления геополитического и геоэкономического влияния в той зоне, которая представляет для нее определенный интерес, т.е. в ЦВА.

Но вернемся к Китаю и США. Ведь они являются главными заинтересованными «лицами» в дарфурском конфликте и в иных проблемных зонах Судана. Их вовлеченность в эти процессы столь высока (уж больно велики ставки в борьбе за суданскую нефть!), что на сегодняшний день она, если и не полностью «перекрывает» активность миротворцев и посредников, то по крайней мере существенно ограничивает их усилия по достижению прочного мира в этом «горячем» регионе. С геополитической точки зрения это означает только одно: те силовые поля, которые сотканы из многоканальных и регулярных взаимодействий Китая и США порознь с конфликтующими сторонами в режиме «плюс», оказываются более мощными, чем то силовое поле, которое образуется взаимодействием с участниками конфликта «тандема» АС – ООН и международных посредников. Активность Пекина и Вашингтона, по сути, превратилась в инструмент контролируемого изменения той мини-системы международных отношений, которая сложилась за шесть-семь лет вокруг Дарфура. Выстраивая с конфликтантами оси взаимодействия по схеме «патрон – клиент», искусно балансируя свои силы и действуя исключительно в своих интересах, эти акторы выстраивают *предпочтительный для себя* вариант развязки вооруженного противостояния арабо-мусульманского Центра и восставшей против него неарабской периферии. Но главное в том, что борьба Китая и США за нефтяные ресурсы этой страны сформировала ту жесткую *ось соперничества*, которая, проецируясь на ситуацию в Дарфуре и других проблемных зонах, в значительной мере *парализует* мирный процесс в Судане.

Вот почему, с нашей точки зрения, вмешательство Китая и США во внутренние дела Судана с целью широкого доступа к его нефтяным запасам и есть та *основная* причина, которая до сих пор не позволяет остановить эскалацию насилия в Дарфуре и урегулировать другие конфликты. И это лишний раз подтверждает правоту старой как мир истины, согласно которой именно нефть всегда

была главной причиной гражданских войн и прямого, в том числе военного, вмешательства мировых держав во внутренние дела африканских государств [см.: Хаггер, с. 423]. Только если раньше это вмешательство имело место в основном со стороны западных держав, то теперь это касается и новых держав, в частности тех, что стремительно поднимаются на Востоке. Получается, что на внутреннюю ситуацию в странах, поставляющих энергоресурсы на мировые рынки, многие из которых отягощены своими (как правило, глубоко укорененными) конфликтами, извне накладывается острейшая борьба богатых стран, стремящихся получить эти ресурсы любой ценой. Возникает ситуация, которая становится одним из мощных источников *международной* нестабильности. Но первый, кто терпит в этой непростой ситуации поражение, как раз «дающий»...

Многое ли в этом случае могут сделать миротворцы и посредники? Ведь и так, в принципе, приходится иметь дело с достаточно сложным «материалом», не говоря уже о том, что одновременно могут внезапно появляться непредвиденные проблемы (как, например, спор о принадлежности нефтеносного района Абъей). Не будем забывать, что в конфликтных зонах, подобных Дарфур, причем внутри каждой из конфликтующих сторон, всегда находятся силы, которым есть что терять. Поэтому им *в принципе невыгодно* решение проблемы, поскольку это, скажем, угрожает их безопасности или ставит под вопрос их экономические перспективы (скажем, их криминальный бизнес). Обычно такие силы называют спойлерами. Неудивительно, что спойлеры будут встречать любые мирные инициативы в штыки, подвергать посредников и идущих им навстречу своих соратников резкой критике, а иногда и настоящей (причем не только вербальной) агрессии с целью сорвать возможность мирного разрешения конфликта. Наличие значительных ресурсов и/или их влияние в местных сообществах позволяет им навязывать свое мнение, не очень-то считаясь с позицией не только самих участников конфликта, но и третьей стороны. Кроме того, это может серьезно ограничить доставку гуманитарной помощи терпящим бедствие людям, как это произошло, например, со сворачиванием соответствующей работы ООН и ряда других организаций в Дарфуре в 2006 г. по причине резко возрос-

шего насилия с обеих сторон, а то и вовсе поставит под вопрос целесообразность проведения миротворческой операции.

Но опасность еще и в другом. В зонах затяжных вооруженных конфликтов, подобных дарфурской, мы сплошь и рядом сталкиваемся с ситуациями, когда на смену пусть и малоэффективному, трудноосуществимому и «пристрастному» посредничеству приходит банальное геополитическое соперничество, выстраивающееся исключительно по формуле: «выиграть – проиграть». Скажем, в тех мини-системах международных отношений, которые на сегодняшний день сложились вокруг Нагорного Карабаха и Приднестровья, а до недавнего времени были характерной чертой грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов (мы не говорим уже о недавней ситуации в Косово и Метохии), наблюдается стремление великих державах и крупных региональных игроков использовать свой статус в посреднических структурах и/или доступ к осуществлению миротворческих операций для наращивания геополитического влияния. Как тут не вспомнить борьбу США и Франции, когда разрабатывалась стратегия совместных действий АС и ООН в Дарфуре, связанная с развертыванием здесь смешанного военного контингента (тогда Вашингтон и Париж порознь настаивали на том, чтобы именно им было поручено командование этим контингентом). Или еще пример: с февраля 2006 г. Конгресс США и лично Дж. Буш твердили о том, что руководить Смешанным военным контингентом АС – ООН в Дарфуре должен не кто иной, как... Североатлантический альянс, а США-де и не подумают отменять свои санкции в отношении Судана [см.: Бюсселен]. При таком подходе достижение справедливого мирного урегулирования конфликта, если даже эта цель и заявляется, вытесняется на задний план, а в качестве приоритетной задачи выдвигается недопущение *единоличных* миротворческих усилий какого-либо из «конкурентов».

Что это может означать в своем логическом пределе? Только одно: «доступ» к урегулированию такого рода конфликта превратится для них в инструмент контролируемого изменения всей этой мини-системы международных отношений и даже самой ее структуры (как особого «узла противоречий») в соответствии со своими прагматическими интересами. При этом, как убедительно показал прецедент Косово, вовсе не обязательно оставаться в рамках международного правового поля. Это становится каким-то обяза-

тельным излишеством. Увы, следует признать тот факт, что число прецедентов развязки внутригосударственных конфликтов, в том числе и сецессионного типа, в соответствии с интересами сильных мира сего растет, о чем убедительно свидетельствует ситуация в зоне дарфурского конфликта. Но тревожит и другое: то, что в современных условиях такого рода практика вообще может стать универсальной.

Из анализа ситуации в Дарфуре и Судане в целом невольно проистекает общий вопрос: а что со всем этим делать? Как реагировать на те острейшие внутренние и/или региональные кризисы, которые сегодня в избытке «экспортирует» в окружающий мир Африка, и как предотвратить массовый приток в богатые, с высоким уровнем жизни страны потока «новых варваров»? Ведь число конфликтных противоборств разной природы и всевозможных «узлов противоречий» на этом континенте никак не свидетельствует о тенденции к снижению уровня конфликтности. Более того, наличная ситуация заставляет многих исследователей и экспертов всерьез обсуждать сценарий провала в «мировой андеграунд», или «глубокий Юг» [см.: Дергачев, с. 444], уже не только отдельных зон *внутри* наиболее проблемных *государств*, а огромных по своим размерам *частей* Африканского континента. Печалит то обстоятельство, что на пространстве ЦВА сформировалась огромная по своим размерам, очень устойчивая, трансграничная зона распространения насилия, которая, что также очень важно, накладывается на другую, не менее обширную зону насилия, которую гуру американской геополитики Зб. Бжезинский назвал «Евразийскими Балканами» [см.: Бжезинский, 1998, с. 149–151; Mirak-Weissbach, p. 72–73].

На этом фоне не очень убедительными выглядят усилия международного сообщества в плане противостояния соответствующим вызовам и угрозам, имеющим африканское «происхождение», о чем свидетельствуют малая эффективность проводящихся здесь миротворческих операций и те невероятные трудности, с которыми здесь идут переговорные процессы. Поэтому надо говорить о необходимости формирования новой повестки дня мирового развития, поскольку на карту поставлена проблема обеспечения не только сугубо региональной (собственно африканской), но и меж-

дународной стабильности, недопущения дальнейшего расползания из ЦВА по миру «рака хаотизации». Но это не исключительно африканский «сюжет», а общемировая проблема, поскольку сегодня: а) любой внутрисоветский конфликт, особенно если он связан с сепаратизмом этнических меньшинств и угрозой отделения проблемных регионов, рано или поздно становится фактором, дестабилизирующим всю систему международных отношений или по крайней мере одну из ее региональных подсистем, и б) при современном уровне вооружений создается возможность использования все новых и новых видов оружия (вплоть до оружия массового поражения), мировое сообщество не может смотреть на эти вызовы и угрозы безучастно. Насколько это ему удастся – вопрос...

В этих условиях на первый план вновь выходит и активно дебатировается вопрос о «миросистемном регулировании», реанимируются идеи о Мировом правительстве как едином центре принятия решений по типу и подобию отдельного государства (особенно если это касается ситуаций острых международных и региональных кризисов, а также конфликтов по оси «Центр-периферия» внутри полиэтничных государств). Фактически речь идет о создании и запуске нового механизма регулирования проблемных ситуаций в различных странах и регионах мира, что, в частности, предполагает развертывание глобальной сети мониторинга взрывоопасных точек, разного рода «серых» и «теневых» зон» с единым концептуальным и организационно-методическим ядром.

Для этого (по идее) нужна международная организация нового типа взамен «буксующей» ООН; организация, которая могла бы стать сложноорганизованной, но тщательно выстроенной в процедурном отношении системой согласования интересов самых разных акторов: как великих держав, так и крупных региональных, а также влиятельных «малых» государств; как государственных образований, так и негосударственных игроков. Фактически следует говорить о некоем аналоге Евросоюза, только при условии, что он обладает юрисдикцией в глобальном масштабе. Как полагают некоторые специалисты, именно такой подход к глобальному управлению может привести к оптимальному результату, поскольку он предполагает участие «всех» (или почти «всех») на разных уровнях мировой системы, в разных ее сегментах [см.: Лебедева, 2006, с. 333]. Но это как бы идеальный вариант механизма миросистемного ре-

гулирования, до которого очень далеко, и будет ли он создан в обозримом будущем – это большой вопрос.

Вот почему в научных и экспертных кругах продолжается активное обсуждение вопроса о том, *у кого из наиболее влиятельных геополитических игроков есть наибольшие шансы на выполнение функции «миросистемного» регулирования*. И, как оказывается, выбор здесь не так уж велик. Многие склоняются к выводу, что главная нагрузка выпадет здесь все же на Китай и США. Последние, скорее всего, не смогут в одиночку заниматься вопросами «кризисной дипломатии», как они это делали в прежние годы. Возвращаясь к старым идеям Зб. Бжезинского¹, они прибегнут к тактике формирования «вынужденных коалиций» с использованием *soft (мягкой)* или даже *smart (умной) силы*, тем более что об этом же в сентябре 2009 г. говорил президент Б. Обама, провозглашая свой внешнеполитический курс. Это значит, что США будут использовать ресурсы «трансатлантической солидарности», т.е. возможности и опыт Европы, одно время пытавшейся играть роль «кризисного управляющего» в мире (вспомним, например, участие ЕС в урегулировании заирского кризиса летом 2003 г.) и продолжающей это делать на отдельных региональных «площадках», о чем свидетельствует содействие ЕС «тандему» АС – ООН в Дарфуре (в частности, финансирование проводящейся здесь миротворческой операции за счет средств Еврокомиссии).

Давая новое прочтение концепту «трансатлантическая солидарность», прагматичные американцы прекрасно отдают себе отчет в том, что в нынешних условиях объединенная Европа для них – не конкурент. И тому есть две причины. Во-первых, будучи весьма специфическим субъектом, неким политическим кентавром («организацией-государством»), к тому же весьма обремененным в сво-

---

¹ В одной из своих работ этот гуру американской геополитики ставил такие вопросы: «Может ли Европа оставаться главным союзником Америки, принимая во внимание напряженное противостояние, возникшее в 2003 г. между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Францией и Германией – с другой, по поводу войны с Ираком? Если да, то какова наиболее эффективная формула пусть асимметричного, но оправданного партнерства между Америкой и формирующейся единой Европой, которой, впрочем, все еще далеко до политической сплоченности?» [Бжезинский, 2005, с. 121].

ем функционировании и принятии решений процедурными вопросами, ЕС несет в себе природный дефект, или своего рода «дефект рождения». Избрав вроде бы путь создания полноценного государства конфедеративного типа, он все еще очень далек от того, чтобы считаться самостоятельным и авторитетным игроком на мировой шахматной доске (здесь речь, правда, не идет об экономике). Во многом это еще просто совокупность «малых» и крупных национальных государств, очень плотно взаимодействующих между собой в экономической, политической и иных областях общественной жизни, лишь в ряде случаев выступающих как единый международный игрок [см.: Бордачев, с. 24; Переслегин, 2006, с. 155]. Во-вторых, на пространстве Евроатлантики объединенная Европа может играть сегодня только «подыгрывающую» роль. Это стало особенно заметным после церемонии ратификации Лиссабонского договора и избрания на пост председателя Европейского совета абсолютно лояльной Вашингтону фигуры бельгийца Х. ван Румпля. Но заметим, что для ЕС вообще очень характерно засилье атлантистских сил и, в частности, открытая ориентация многих сегментов правящего в Европе политического класса на США. В итоге в настоящее время сформировалась весьма специфическая модель «трансатлантической солидарности», асимметричная в своей основе, т.е. с безраздельно доминирующим североамериканским ядром. Свою лепту в ослабление Европы как крупного игрока на мировой «шахматной доске», безусловно, вносят и страны так называемой «Новой Европы», являющиеся, по сути «пятой колонной» США в Евросоюзе.

Вообще говоря, складывается впечатление, что Европа превращается как бы в «третьего лишнего» в той бескомпромиссной борьбе за природные ресурсы планеты, которую ведут сегодня Китай и США. Так что, по большому счету, «от лица» Запада США придется самим заниматься «наведением порядка» на Мировой периферии. Это предполагает, что при управлении своими обширными геополитическими и геоэкономическими пространствами Вашингтону, как, впрочем, и Пекину, придется теперь особенно внимательно относиться к уязвимым «точкам» на Мировой периферии, вырабатывать особые алгоритмы реагирования на перманентные или возникающие здесь время от времени кризисы, тщательно просчитывать геополитические риски. Говоря более кон-

кретно, это означает следующее: приступая к работе в проблемных, но важных для их интересов зонах мира, Китай и США вынуждены теперь *встраивать* в свои *стратегии* соответствующие им *технологии работы с кризисными и конфликтными ситуациями*.

Учитывая тот факт, что долгосрочного и проектного мышления китайским руководителям не занимать, можно предположить, что в обозримом будущем оппонентам Пекина придется несладко. Но стартовые условия для Пекина и Вашингтона все же разные. В отличие от Китая, Вашингтон в своем арсенале давно имеет технологии «управляемых» конфликтов, «контролируемого хаоса» и т.д. и т.п. Есть и хорошо испытанный инструмент реагирования на различного рода «малые» или большие кризисы – Североатлантический альянс, который стремится максимально расширить зону своей ответственности.

Рассуждая о «глобальной миссии НАТО в современном непростом мире», многие лидеры стран – участниц Альянса вполне серьезно говорят о необходимости включить в число приоритетных задач блока обеспечение бесперебойных поставок энергетических ресурсов из района Персидского залива на Запад. Все более активно развивается соответствующий дискурс энергобезопасности, настойчиво навязывается вопрос о трансформации Североатлантического альянса в некий «военно-энергетический блок» и т.д. Прикрывается все это, естественно, «озабоченностью» Альянса тем, что в мире якобы нарастает число кризисов и конфликтных ситуаций, которые просто некому решать.

Если вывести за скобки всю эту политическую риторику, то становится ясно, что никакого эффективного механизма урегулирования важных для дела мира проблем при таком сценарии не получится. А получится только одно: произойдет трансформация НАТО в глобальный альянс антикитайской и/или антиисламской направленности [см.: Суриков]. С созданием AFRICOM инициатива перешла к Вашингтону. Поэтому при желании что-либо серьезное делать на суданском направлении Альянс вполне мог бы выстроить свою работу по матрице AFRICOM. Плюс к этому не надо забывать и другие «административные ресурсы» НАТО. Так, например, у него уже давно есть «площадка» для дебатов с государствами Магриба и Израилем в рамках такой субструктуры, как «Средиземноморский диалог» [см.: The Mediterranean Dialogue], являющейся

своеобразным аналогом другой «площадки» – «Евросредиземно-морского партнерства», в которой в рамках Барселонского процесса делами заправляет ЕС [см.: Ханельт, Нойгарт]. Наконец, говоря о возможностях геостратегического проектирования Североатлантического альянса, нельзя не упомянуть и выдвинутую на Стамбульском (2004) саммите инициативу, предназначенную для «Большого Ближнего Востока». Она предполагает перевод военно-стратегического сотрудничества с заинтересованными в этом странами на качественно новый уровень. В числе такого рода стран называют членов Совета сотрудничества стран Персидского залива. Но в зоне повышенного внимания Альянса другая страна – Израиль, жестко противостоящий такому недругу США и НАТО, как Иран, у которого (опять-таки в пику Израилю) очень хорошие отношения с Суданом, причем Тегеран последовательно поддерживает Хартум по проблеме Дарфура.

Все это, конечно, пока не более чем *возможности* НАТО сыграть свою партию в ЦВА. Но чем «черт не шутит»? Ведь еще недавно было трудно представить себе натовцев, ведущих боевых действия с талибами на полях Афганистана... Однако сегодня это реальность.

Чем на глобальное «миротворчество» Брюсселя или «тандема» Брюссель–Вашингтон ответит Пекин – неизвестно. Возможно, перепрофилированием своего любимого детища – ШОС и реформатированием всей его работы, хотя сделать это будет не так просто. Но то, что этот ответ будет дан и дан в самом скором времени, нет никаких сомнений. Так что для Пекина дело уже не ограничится только проведением масштабных (всемирных) форумов типа «Китай – Африка», чем еще недавно он занимался с таким упоением. Конечно, нельзя исключить того, что стратеги евроатлантизма придумают какой-то новый, нестандартный инструмент «кризисной дипломатии», хотя, видя то, как постепенно убывает пассионарность Запада и как он, выражаясь шахматным языком, «теряет темп», в это верится с трудом. Но для руководства Поднебесной это не столь важно. «Прокачивая» ситуацию при обсуждении актуальных вопросов мирового развития, оно пользуется не только любой возможностью, чтобы подтвердить свое лидерство в слабо контролируемых США зонах мира, а кое-где (как, например, в Африке) даже открыто теснит американцев с насидевших ими

«площадок». Но китайское руководство занято не только этим. Оно еще и прощупывает почву для создания альтернативной НАТО блоковой структуры. Почему бы и нет?! Тем более что в Поднебесной, лидеры которой самое серьезное внимание уделяют вопросам геополитического проектирования и «Большой стратегии» [см.: Бергер, с. 34], есть кому заниматься этим.

Одним словом, все только начинается... И «битва» за ключевые, стратегические ресурсы мира, всю разворачивающаяся на наших глазах под «знаменами» двух глобализаций – слабеющей американской и набирающей темп китайской, – в конечном счете будет зависеть от того, кто из участников «глобального соперничества» предложит наиболее адекватную реалиям современного мира стратегию и соответствующие ей технологии работы с кризисными и конфликтными ситуациями, а также от того, насколько умело новый или старый «глобальные воители» (выражение знаменитого американского футуролога О. Тоффлера) адаптируют свою «кризисную дипломатию» к особенностям проблемных стран и регионов. Непростая задача, учитывая тот факт, что нынешний мировой лидер и все более теснящий его претендент на это лидерство своим присутствием в уязвимых «точках» Мировой периферии эти кризисные/конфликтные ситуации не только провоцируют, но и во многом порождают. Мы уже не говорим о том, что усиливающееся глобальное соперничество Китая и США – само по себе мощнейший конфликтный фактор, проекция которого на уязвимые страны и регионы отзывается только одним – нарастанием в них внутренней конфликтности и политической нестабильностью.

Будет ли это так или нет, смогут ли Китай, США или Европа предложить миру новые, эффективные модели своей «кризисной дипломатии» или ограничатся прежней практикой «кризисного управления» исключительно в соответствии со своими интересами, мы не знаем. Это покажет будущее, причем, с нашей точки зрения, уже ближайшее.

Литература

Асадова Н. Судан повоюет за «Хезболлу». Омар Башир намерен дать отпор миротворцам ООН // Коммерсантъ. – 2006. – 17 авг. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=698172>

- Барыгин И.Н. Международное регионоведение. – СПб.: Питер, 2009.
- Бергер Я. М. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. – М., 2006. – № 1. – С. 34–51.
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1998.
- Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005.
- Бордачев Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: Возможности «большой сделки». – М.: Европа, 2009.
- Бюсселен Т. Дарфур: Правда и полуправда о конфликте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.left.ru/2007/11/busselen163.phtml?prunt>
- Война в Ираке: Только цифры. 21 марта 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.federalpost.ru/out/issue_7604.html
- Все страны и территории мира: Новый географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009.
- Девятов А. Аврал в казино. Заметки китаиста // Завтра. – М., 2009. – № 50 (дек.).
- Десягин М. Китайский урок // Завтра. – М., 2009. – № 46 (нояб.).
- Дергачев В.А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
- Емельянов А.Л. Этноконфессиональные конфликты на африканском континенте // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008.
- Заемский В.Ф. ООН и миротворчество: Курс лекций. – М.: Международные отношения, 2008.
- Карамаев С. Перетягивание Судана // Смысл. Общественно-политический проект. – М., 2007. – № 15 (1-15 окт.). – С. 106–108.
- Кильюнен К. Государства и флаги: Энциклопедия / Пер. с фин.; под ред. С. Ивановой. – 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2008.
- Китайский проект без легенд и прикрытия // Завтра. – М., 2005. – № 12 (март). – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/592/22.html>
- Коллон М. Нефть, PR, война. Глобальный контроль над ресурсами планеты. – М.: Крымский Мост-9Д; Форум, 2002. – 414 с.
- Кревельд М. ван. Трансформация войны / Пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, 2008.

Куделев В.В. Франция и конфликт в суданской провинции Дарфур. 27 января 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limes.ru/rus/stat/2009/27-01-09a.htm>

Кудров Е.А. Политические процессы в Судане после государственного переворота 1989 г.: Автореферат дисс... канд. полит. наук. – М., 2009. – 30 с.

Кузнецова Е. The Breaking of nations. Размышление над книгой Роберта Купера // Международная жизнь. – М., 2004. – № 2. – С. 3–18.

Лебедева М.М. Мировая политика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2006.

Лебедева Э.Е. Тропикоафриканская цивилизация в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 4. – С. 46–56.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: Меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. – М.: Изд-во «Европа», 2009. – 188 с.

Модестов С.А. Геополитика ислама. – М.: Молодая гвардия, 2003.

Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / Пер. с англ. – М.: Вершина, 2007.

Неклесса А.И. Управляемый хаос: Движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2002. – № 9. – С. 103–112.

Окли Г., аль-Курайчи Л. Империалистическая конкуренция и дарфурский кризис. 4 октября 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revkom.com/index.htm?/za_rubezom/analiz/darfur.htm

Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006.

Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2009.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Пономарева Е. «Даешь мировое правительство!» и другие сценарии будущего. 9.09.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fondsk.ru/article/php?id=2457>

Рябцев В.Н. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: Региональный и глобальный контекст. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

Серегичев С.Ю. Эффект Дарфура: Курс в Южном Кордофане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limes.ru/rus/stat/2008/22-12-08a.htm>

Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. – М.: Алгоритм, 2006.

Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этно-политический конфликт: Пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра / Пер. с англ.; Ред. В. Тишков, М. Устинова. – М.: Наука, 2007. – С. 116–131.

Справочник НАТО. – Brussels: Office of information and press, 2006. – На рус. яз.

Степанова Е.А. Интернационализация локально-региональных конфликтов // Международная жизнь. – М., 2000. – № 11.

Субкоманданте Маркос и другая революция. Сапатисты против Нового мирового порядка / Пер. с исп. – М.: Гилея, 2002.

Суриков А. Химера от мэра Джулиани. Россия между Америкой и Китаем // Завтра. – М., 2007. – № 39 (сент.). – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1190966220>

Сценарии дальнейших вторжений США. Официальные документы Пентагона: Сборник / Под ред. Стивена Эллиотта; Пер. с англ. – М.: Европа, 2009.

Хаггер Н. Синдикат. История создания мирового правительства и методы его воздействия на всемирную политику и экономику / Пер. с англ. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008.

Хазин М. Путин и геополитика. Неочевидные итоги саммита G 8 и форума в Санкт-Петербурге // Завтра. – М., 2007. – № 25 (июнь).

Ханельт К.-П., Нойгарт Ф. Европейско-средиземноморское партнерство. Стабильность и благополучие в Средиземноморском бассейне // Internationale Politik. – 2001. – № 8 (авг.).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Хубель Х. Международные очаги кризисов и структуры конфликтов // Internationale Politik. – Berlin, 2000. – № 7. – С. 4.

Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба / Пер. с исп. – Минск: Попурри, 2009. – 304 с. + 24 с. вкл.

Юрченко В.П. Судан: Проблема обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limes.ru/rus/stat/2009/21-04-091.htm>

A rumble in the jungle // The Economist. – L., 2006. – Vol. 380, N 8487 (22 July). – P. 59-60.

Africa's most wanted // The Economist. – L., 2006. – Vol. 379, N 8480 (3 June). – P. 64.

An island unto itself // The Economist. – L., 2006. – Vol. 380, N 8489 (5-11 Aug.). – P. 47.

Arshad M., Dupont N. Soudan: L'émissaire américain prone un allègement de sanctions. Dernière visite en Décembre 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interetgeneral.info/imprimersans.php3?id_article=12331&nom_site=Int%C3%A9r%C3%AAt-g%C3%A9n%C3%A9ral.info&url_site=http://www.interet-general.info

Bashir defies arrest warrant and disputes Darfur's death toll. March 25, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldfocus.org/blog/2009/03/25/bashir-defies-arrest-warrant-and-disputes-darfurs-death-toll/4619/>

Cavion L. Out of Africa: Les américains boutent la France hors d'Afrique. Janvier 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.recherche-sur-le-terrorisme.com/Analysesterrorisme/afrique-usa-terrorisme.html>

China, Sudan and the Darfur conflict. Document checked in November 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.savedarfur.org/page/content/china_sudan_darfur

Cooper R. The breaking of nations: Order and chaos in the twenty-first century. – L.: Atlantic Books, 2003.

Crawley V. US INFO: United States seeks to help improve security in Gulf of Guinea. 19 December 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.america.gov/st/washfile-english/2006/December/20061219101202MVyelwarC0.1016352.html>

Crise humanitaire Tchad-Darfur. Urgence Tchad/Darfur [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.fr/cgi-bin/texis/vtx/chad?page>

Darfur crisis. Estimates demonstrates severity of crisis but their accuracy and credibility could be enhanced. GAO, Report to Congressional requesters. November 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gao.gov/new.items/d0724.pdf>

Darfur deaths could have reached 300.000. 23, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abc.net.au/news/stories/2008/04/23/2224678.htm>

Eastern Chad: Sudanese refugee camp in Oure Cassani to be relocated. Briefing notes. 22 September 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/4ab8a6d99.html>

Elwert G. Markets of violence // A journal for empirical ethno-sociology and ethno-psychology. Supplement 1. – Berlin, 1999. – P. 85-102.

EU military operation in Eastern Chad and North-East CAR (EURIFOR Tchad/RCA). European security and defense policy/Tchad/RCA. 6 September 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/eurofor-tchad-rca>

Hanson S. Darfur's peace process/ Council on Foreign Relations. June 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cfr.org/darfur_peace_process/html

Hearn Kelly on National geographic news: Darfur death toll is hundreds of thousands higher than reported, study says. September 14, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.nationalgeographic.com/news/2006/09/060914-darfur-deaths.html>

Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. – Berkley (Cal.): Univ. of California press, 1985.

Mirak-Weissbach M. Whose policy mistakes really underlie the Central Asian crisis? // Executive intelligence review. – 2000. – Vol. 27, N 35. – Mode of access: http://www.larouchepub.com/eirtoc/2000/eirtoc_2735html

Patey L.A. States rules: Oil companies and armed conflicts in Sudan. July 2007 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.sudantribune.com/spip.php?article22901>

Qazi A.J. Situation in Abyei. Statesments. May 2008 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.appablog.wordpress.com/2008/05/20/sudan-unmis-situation-in-abyei>

Remarks by the President of the USA to the United Nations General Assembly. United Nations Headquarters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-President-to-the-United-Nations-General-Assembly

Seibert B.H. Eurofor Tchad/RCA // European security review. – Brussels, 2008. – N 37 (March).

Sudan's Southern Kordofan problem: the next Darfur? ICG // Africa report [Электронный ресурс]. – October 2008. – N 145. – Mode of access: <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5738>

Smil V. China's past, China's future energy, food, environmental. – N.Y.: Routledge Curzon, 2004. – 232 p.

The Mediterranean dialogue. Extending security in the Euro-Atlantic area. The role of NATO and its partner countries. – NATO graphics studio, 1998.

The National security strategy of the USA, March 2006 [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://georgebush.whitehouse.gov/nsc/ncc/2006>